

Светлана АЛЕКСИЕВИЧ:

ДВА ГЛАВНЫХ РУССКИХ СЛОВА - ВОЙНА И ТЮРЬМА...

Продолжение.
Начало на стр. 3.

Я стою на этой трибуне не одна... Вокруг меня - голоса, сотни голосов, они всегда со мной. С моего детства. Я жила в деревне. Мы, дети, любили играть на улице, но вечером нас, как магнитом, тянуло к скамейкам, на которых собирались возле своих домов, или хат, как говорят у нас, уставшие бабы. Ни у кого из них не было мужей, отцов, братьев, я не помню мужчин после войны в нашей деревне - во время Второй мировой войны в Беларуси на фронте и в партизанах погиб каждый четвертый белорус. Наш детский мир после войны - это был мир женщин. Больше всего мне запомнилось, что женщины говорили не о смерти, а о любви. Рассказывали, как прощались в последний день с любимыми, как ждали их, как до сих пор ждут. Уже годы прошли, а они ждали: «пусть без рук, без ног вернется, я его на руках носить буду». Без рук... без ног... Кажется, я с детства знала, что такое любовь...

ПРО ПАЛАЧЕЙ И ЖЕРТВ

Мой путь на эту трибуну был длиной почти в сорок лет - от человека к человеку, от голоса к голосу. Не могу сказать, что он всегда был мне под силу, этот путь, - много раз я была потрясена и испугана человеком, испытывала восторг и отвращение, хотелось забыть то, что я услышала, вернуться в то время, когда была еще в неведении. Плакать от радости, что я увидела человека прекрасным, я тоже не раз хотела.

Я жила в стране, где нас с детства учили умирать. Учили смерти. Нам говорили, что человек существует, чтобы отдать себя, чтобы сгореть, чтобы пожертвовать собой. Учили любить человека с ружьем. Если бы я выросла в другой стране, то я бы не смогла пройти этот путь. Зло беспощадно, к нему нужно иметь прививку. Но мы выросли среди палачей и жертв. Пусть наши родители жили в

страхе и не все нам рассказывали, а чаще ничего не рассказывали, но сам воздух нашей жизни был отравлен этим. Зло все время подглядывало за нами.

Я написала пять книг, но мне кажется, что все это одна книга. Книга об истории одной утопии...

Варлам Шаламов писал: «Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление человечества». Я восстанавливаю историю этой битвы, ее победы и ее поражения. Как хотели построить Царство Небесное на земле. Рай! Город солнца! А кончилось тем, что осталось море крови, миллионы загубленных человеческих жизней.

Что-то есть в русском духе такое, что заставляло попытаться сделать эти грезы реальностью. Двадцать лет назад мы проводили «красную» империю с проклятиями и со слезами. Сегодня уже можем посмотреть на недавнюю историю спокойно, как на исторический опыт. Это важно, потому что споры о социализме не утихают до сих пор. Выросло новое поколение, у которого другая картина мира, но немало молодых людей опять читают Маркса и Ленина. В русских городах открывают музеи Сталина, ставят ему памятники.

Есть такая традиция:
лауреаты оставляют
свои автографы
на стульях в кафе
Нобелевского музея.

ПРО РАБОВ УТОПИИ

«Красной» империи нет, а «красный» человек остался. Продолжается.

Мой отец, он недавно умер, до конца был верующим коммунистом. Хранил свой партийный билет. Я не могу произнести слово «совок», тогда мне пришлось бы так назвать своего отца, «родных», знакомых людей. Другей. Они все оттуда - из социализма. Среди них много идеалистов. Романтиков. Сегодня их называют по-другому - романтики рабства. Рабы утопии. Я думаю, что все они могли бы прожить другую жизнь, но прожили советскую. Почему? Ответ на этот вопрос я долго искала - изъездила огромную страну, которая

недавно называлась СССР, записала тысячи пленок. То был социализм и была просто наша жизнь. По крупицам, по крохам я собирала историю «домашнего», «внутреннего» социализма. То, как он жил в человеческой душе. Меня привлекало вот это маленькое пространство - человек... один человек. На самом деле там все и происходит.

Что делаю я? Я собираю повседневность чувств, мыслей, слов. Собираю жизнь своего времени. Меня интересует история души. Быт души. То, что большая история обычно пропускает, к чему она высокомерна. Занимаюсь пропущенной историей. Не раз слышала и сейчас слышу, что это не литература, это документ. А что такое литература сегодня? Кто ответит на этот вопрос?

Меня интересует маленький человек. Маленький большой человек, так я бы сказала, потому что страдания его увеличивают. Он сам в моих книгах рассказывает свою маленькую историю, а вместе со своей историей и большую. Приблизительно так начинаются у меня разговоры с моими героями. Конечно, человек говорит из своего времени, он не может говорить из ниоткуда! Но пробиться к человеческой душе трудно, она замусорена суевериями века, его пристрастиями и обманами. Телевизором и газетами.

смерти и который не хотел умирать в двадцать лет...

Русская литература интересна тем, что она единственная может рассказать об уникальном опыте, через который прошла когда-то огромная страна. У меня часто спрашивают: почему вы все время пишете о трагическом? Потому что мы так живем. Хотя мы живем теперь в разных странах, но везде живет «красный» человек. Из той жизни, с теми воспоминаниями.

ПРО РОССИЮ

Что с нами произошло, когда империя пала? Раньше мир делился: палачи и жертвы - это ГУЛАГ, братья и сестры - это война, электорат - это технологии, современный мир. Раньше наш мир еще делился на тех, кто сидел и кто сажал, сегодня - деление на славянофилов и западников, на национал-предателей и патриотов. А еще на тех, кто может купить и кто не может купить. Последнее, я бы сказала, самое жестокое испытание после социализма, потому что недавно все были равны. «Красный» человек так и не смог войти в то царство свободы, о которой мечтал на кухне. Россию разделили без него, он остался ни с чем. Униженный и обворованный. Агрессивный и опасный.

Что я слышала, когда ездила по России...

- Модернизация у нас возможна путем шарашек и расстрелов.

- Русский человек вроде бы и не хочет быть богатым, даже боится. Что же он хочет? А он всегда хочет одного: чтобы кто-то другой не стал богатым. Богаче, чем он.

- Честного человека у нас не найдешь, а святые есть.

- Непоротых поколений нам не дожидаться; русский человек не понимает свободу, ему нужны казак и плеть.

- Два главных русских слова: война и тюрьма. Своровал, погулял, сел... вышел и опять сел...

- Русская жизнь должна быть злая, ничтожная, тогда душа поднимается, она осознает, что не принадлежит этому миру... Чем грязнее и кровавее, тем больше для нее простора...

- Для новой революции нет ни сил, ни какого-то сумасшествия. Куража нет. Русскому человеку нужна такая идея, чтобы мороз по коже...

- Так наша жизнь и болтается - между бардаком и баракком. Коммунизм не умер, труп жив.

Беру на себя смелость сказать, что мы упустили свой шанс, который у нас был в 90-е годы. На вопрос, какой должна быть страна - сильной или достойной, где людям хорошо жить, выбрали первое - сильной. Сейчас опять время силы. Русские воюют с украинцами. С братьями. У меня отец - белорус, мать - украинка. И так у многих. Русские самолеты бомбят Сирию... Время надежды сменило время страха. Время повернуло вспять... Время секунд-хенд...

Теперь я не уверена, что дописала историю «красного» человека...

У меня три дома - моя белорусская земля, родина моего отца, где я прожила всю жизнь, Украина, родина моей мамы, где я родилась, и великая русская культура, без которой я себя не представляю. Они мне все дороги. Но трудно в наше время говорить о любви.

Нобелевская лекция
писательницы
(в сокращении).

Полный текст - на сайте
souzveche.ru